

Ли Сяовань смотрела на профиль Лу Ли. Тонкие, изящные линии лица были настолько прекрасны, что у нее невольно возникло странное ощущение: будто время замерло, и Лу Ли по-прежнему оставалась такой же свежей и юной, как много лет назад. Ли Сяовань вдруг захотелось взглянуть в зеркало — не постарела ли она сама?

— О чем задумалась? — Лу Ли повернула голову и посмотрела в растерянные глаза Ли Сяовань.

— Думаю о... — Ли Сяовань инстинктивно хотела выпалить: О тебе, но стоило ей встретиться взглядом с Лу Ли, как слова свернули в сторону и превратились в небрежное: — Да ни о чем.

Лу Ли снова опустила взгляд на свои пальцы. Она медленно переплетала их, то сцепляя, то разъединяя, словно играла в какую-то занятную игру или просто коротала время, чтобы скрыть неловкость. Ли Сяовань заворуженно следила за движением этих красивых рук и на мгновение забыла, зачем вообще пришла.

— У меня фобия камеры, — вдруг негромко произнесла Лу Ли.

— Ты... — Ли Сяовань замаялась, не зная, что спросить.

— Я не шучу, — Лу Ли сама усмехнулась, с легкой досадой глядя на Ли Сяовань.

— Разве бывает такая болезнь? — Ли Сяовань все еще не могла поверить. Она слышала о множестве фобий, но о такой — никогда. Конечно, если у обычного человека есть странности, это не мешает ему жить. Но Лу Ли — не обычный человек. Ли Сяовань слегка нахмурилась, вглядываясь в глаза собеседницы.

— Я обращалась к психотерапевту, это не лечится, — Лу Ли улыбнулась уголками губ, не выказывая печали.

— Значит, сниматься в кино ты не можешь? — Ли Сяовань немного поколебалась, но все же спросила прямо.

Лу Ли промолчала, лишь слегка покачала головой. На лице ее по-прежнему играла улыбка, но Ли Сяовань видела, что она вымученная — улыбка человека, смилившегося с судьбой. Неужели Лу Ли хочет стать профессиональным актером озвучки только из-за того, что не может выносить объектив камеры? Ли Сяовань разочарованно подумала, что эта логика кажется ей безупречной.

— Ты все еще готова помогать в магазине? — Лу Ли сменила тему и поднялась, чтобы уйти в спальню. Вернувшись, она протянула Ли Сяовань старый мобильный телефон, которым та пользовалась вчера: — У тебя столько покупателей, я просто не успеваю отвечать.

Ли Сяовань помедлила несколько секунд, прежде чем взять телефон.

— Я сказала Вэйжань, что на выходных она больше не придет, — Лу Ли села обратно на диван.

Ли Сяовань кивнула, но ничего не ответила. Она не знала, что сказать, поэтому уткнулась в телефон, разглядывая потертости на клавиатуре и пытаясь угадать возраст аппарата. Лу Ли сидела рядом, но словно намеренно отодвинулась, оставив между ними добрых десять сантиметров пустоты.

— Ты действительно не можешь? — спросила Ли Сяовань, не отрывая взгляда от телефона.

— Перед камерой я ужасно нервничаю, до такой степени, что не могу вымолвить ни слова, — ответила Лу Ли, глубоко вздохнув.

— Но ты же понимаешь, это отличный шанс. Шанс добиться успеха, — голос Ли Сяовань стал тверже.

Едва она договорила, Лу Ли резко вскочила. Нахмурившись, она пристально посмотрела на Ли Сяовань, словно видела ее впервые, и впиалась взглядом в ее лицо:

— Ты же знаешь, я хочу быть только актером озвучки. Я не хочу сниматься в кино.

— Только из-за страха камеры? — Ли Сяовань уверенно встретила ее взгляд.

— Вот как ты обо мне думаешь, — Лу Ли бессильно опустилась на диван и горько усмехнулась.

— А как я должна о тебе думать? — Ли Сяовань помрачнела, на душе у нее словно смешались все горькие и сладкие чувства.

Лу Ли промолчала. Она понуро опустила голову и закусила губу так сильно, что на ней выступила кровь, но не проронила ни слова. Даже не попыталась возразить. Это было похоже на молчаливое признание или немой протест.

Динь-дон, динь-дон.

Мессенджер разрывался от сообщений.

— Если ты стремишься к успеху, я хочу, чтобы ты его достигла. Перед тобой открывается возможность куда лучше той, о которой ты грезил. Может, стоит попробовать, а не сидеть здесь, обсуждая со мной интернет-магазин и продажи? — Ли Сяовань серьезно посмотрела на нее, подошла к компьютеру и нажала кнопку выключения.

— Сяовань! — громко крикнула Лу Ли.

Экран компьютера медленно погас, словно оборвалась невидимая нить между ними.

— С делами магазина я помогу, — сказала Ли Сяовань, сжимая в руке телефон.

— Я не хочу смотреть, как он закрывается, — Лу Ли без сил откинулась на спинку дивана.

— Предоставь это мне, — сердце Ли Сяовань вдруг пронзила острая боль, но голос остался холодным и отстраненным.

— Ты сможешь присматривать за ним постоянно? Я не хочу, чтобы все так закончилось, — с мольбой в голосе произнесла Лу Ли.

— Я же сказала: предоставь это мне, — повторила Ли Сяовань, не изменившись в лице.

Лу Ли слегка приподняла уголки губ — улыбка вышла манящей, но пугающе холодной:

— Сяовань...

— В любом случае, я хочу, чтобы твои мечты сбылись, — Ли Сяовань приняла эту улыбку и тихо добавила.

— Я добьюсь успеха. Обязательно добьюсь, — прошептала Лу Ли, и в ее глазах блеснула влага.

— А я буду хранить этот магазин для тебя, — ответила Ли Сяовань предельно спокойно. Ей хотелось протянуть руку и смахнуть слезы с глаз Лу Ли, но она не знала, под каким предлогом это сделать. Лу Ли плакала, но из-за чего? Поколебавшись несколько секунд, она так ничего и не предприняла.

Ли Сяовань молча отвернулась, уставившись на черный экран компьютера.

А Лу Ли все это время не сводила глаз с ее стройной спины.

Двадцать восьмой этаж небоскреба Гуанмао.

Говорят, в этом здании чем выше этаж, тем дороже аренда. Просторный кабинет, панорамные окна с бесконечным видом, немного солнца и тонкий аромат цветов.

— Госпожа Яо, вам пора открывать цветочный магазин, — Шань Вэйжань сидела в кресле и с улыбкой смотрела на собеседницу.

Напротив, в крутящемся кресле, сидела Яо Муцзинь, генеральный директор медиакомпания Гуанмао. Упоминая Яо Муцзинь, нельзя не вспомнить Чжун Мяо. Как продюсер и инвестор прославившего Чжун Мяо фильма Аромат, компания Гуанмао сыграла решающую роль в ее успехе. И все же, несмотря на это, в это еще не проснувшееся утро Чжун Мяо просто бросила трубку, разговаривая с Яо Муцзинь.

— Ваши поклонники уже выстроились в очередь до самой реки, — снова пошутила Шань Вэйжань.

— Жаль только, что те, кто просит, мне не милы. Вэйжань, понимаешь? — Яо Муцзинь прищурила свои персиковые глаза, глядя на Шань Вэйжань, и сама же рассмеялась. Тонкие морщинки в уголках глаз сделали ее улыбку загадочной, а взгляд — туманным. Трудно было понять, искренна она или играет.

Шань Вэйжань чуть улыбнулась, наклонила голову и поправила очки, ловко избегая прямого зрительного контакта. Встретиться взглядом с женщиной, у которой от природы такой пронзительный взгляд — все равно что играть с огнем. Огонь обжигает лицо, и это выглядит некрасиво. Хотя Яо Муцзинь не сводила с нее глаз, Шань Вэйжань не собиралась отвечать взаимностью.

Через некоторое время Яо Муцзинь стало скучно. Она постучала пальцами по столу, издавая глухой звук, и спросила с легким намеком:

— Ну и какой же гениальный план ты придумала?

Шань Вэйжань лишь улыбнулась, глядя, как солнечные блики играют в длинных вьющихся волосах Яо Муцзинь.

— Вэйжань, не тяни. Как тебе удалось убедить свою маленькую любовницу? — Яо Муцзинь погладила свои локоны и с ревнивой ноткой подмигнула: — Только не говори, что ты нашептала ей это на подушке. Мне будет неприятно.

— У каждого есть то, с чем он не готов расстаться. Если ты смогла убедить меня подписать Лу Ли, то кто-то другой может убедить Лу Ли принять условия. Только это была не я, — произнесла Шань Вэйжань, глядя на солнечные зайчики над головой Яо Муцзинь. Ее голос был спокойным, но в нем слышалась скрытая печаль.

— Слушай, Шань Вэйжань, ты хочешь сказать, что ты — моя слабость, а у твоей маленькой любовницы есть своя? — с неприязнью спросила Яо Муцзинь и хмыкнула. Несмотря на то что она не раз открыто восхищалась Шань Вэйжань, такое сравнение ей не понравилось. К счастью, на столе стояло множество букетов роз и лилий, что немного успокоило ее: в конце

концов, за ней самой бегают толпа народу!

Шань Вэйжань не обращала внимания на сияющий взгляд Яо Муцзинь. Она думала о Ли Сяовань и ждала звонка от Лу Ли. До вчерашнего вечера она и не знала, что на свете существует такая женщина, как Ли Сяовань, а теперь должна была помнить о ней постоянно. Хотя Ли Сяовань не оставила на постели Лу Ли ни единого волоска, у Шань Вэйжань была развита женская интуиция, ничуть не хуже, чем у Ван Сяоюй.

— Я чуть было не застала их врасплох, — Шань Вэйжань встала и повернулась к Яо Муцзинь спиной.

— Что? — Яо Муцзинь подскочила так резко, что каблучки звонко щелкнули по полу.

— Мне нужно пересказывать тебе подробности? — Шань Вэйжань улыбнулась, сузив глаза.

— Шань Вэйжань, ты с ума сошла? Может, отправить тебя в лечебницу? — Яо Муцзинь заметно занервничала.

— Я похожа на сумасшедшую? — парировала Шань Вэйжань.

— Ты притащила эту Лу Ли в мою компанию — это уже безумие! Давно надо было тебя отправить к врачам! — Яо Муцзинь схватила за голову, у нее дергалась вена на виске. С первой же встречи с Лу Ли она поняла — эта девица настоящая роковая женщина. Взгляд, голос, фигура, эта небрежная грация — она убивает наповал и мучает сердца! Даже по сравнению с самой Яо Муцзинь она была ничуть не хуже. Шань Вэйжань выбрала именно ее, и Яо Муцзинь до сих пор не могла понять: то ли она сама недостаточно хороша, то ли Шань Вэйжань действительно сошла с ума, то ли зрение у той совсем испортилось!

Шань Вэйжань повернулась и мягко похлопала Яо Муцзинь по плечу. Ее улыбка была нежной и спокойной, совсем не похожей на сумасшествие. А вот Яо Муцзинь злилась, ее красивое лицо было холодным, словно покрытым инеем.

— Если она пойдет поговорить с Лу Ли, проблем не будет, — уверенно сказала Шань Вэйжань.

— Ты настоящая лисица! — Яо Муцзинь взглянула в глаза за стеклами очков и сразу все поняла.

— Это отличная сделка, — Шань Вэйжань тихо рассмеялась, взяла Яо Муцзинь под руку и добавила: — Ты получишь свои деньги, а я — своего человека. Муцзинь, лучшего партнера, чем я, тебе не найти, правда?

Яо Муцзинь не ответила. Она протянула руку, сняла с Шань Вэйжань серебристые очки и внимательно, как произведение искусства, стала рассматривать ее лицо. Тонкие веки, черные

зрачки, прямая переносица с легкими следами от дужек очков, соблазнительные губы, блестящие от блеска — все это выглядело невероятно притягательно.

Ли Сяовань говорила, что Шань Вэйжань не красавица, но она была женщиной с огромным обаянием.

— Вэйжань, тебе лучше без очков, — Яо Муцзинь наклонилась и прошептала ей на ухо.

Шань Вэйжань рассмеялась:

— Муцзинь, а ты не боишься, что я приведу к тебе свинью и скажу, что это красавица? Я ведь даже твое лицо уже почти не вижу.

Яо Муцзинь понимала, что это лишь способ уйти от неловкости. Она подыграла ей:

— Даже такую ослепительную красавицу, за которой бегают толпы, ты не видишь? Это огромная потеря для твоей жизни! По сравнению с твоей Лу Ли я ничем не хуже. Если захочешь, всегда можешь прийти ко мне. Я обещаю...

Шань Вэйжань, не желая слушать продолжение, отступила на полшага, упершись поясницей в край стола. Яо Муцзинь приблизилась вплотную, и аромат роз, исходящий от нее, заставил Шань Вэйжань нахмуриться еще сильнее:

— Муцзинь, ты...

— Что я? Или в этом мире только тебе позволено играть? — Яо Муцзинь улыбнулась, упершись руками в стол по обе стороны от Шань Вэйжань, и прижала ее к себе.

— Ты за кого-то заступаешься? — притворно невозмутимо спросила Шань Вэйжань.

Яо Муцзинь не ответила, она все сильнее прижималась к ней, пока Шань Вэйжань не оказалась под углом в пятьдесят градусов к столу. Когда та начала терять равновесие, Яо Муцзинь отпустила правую руку, обхватила ее за талию и притянула к себе, коснувшись щекой ее прохладной щеки. Голос ее стал хриплым:

— Ты не стала убеждать свою любовницу, а пришла убеждать меня, чтобы я заставила ее «слабость» убедить Лу Ли. Хитроумный план, не правда ли? Убить двух зайцев одним выстрелом? Или использовать чужой нож? В любом случае, они поссорятся. Лу Ли останется твоей, а «слабость» перестанет быть таковой. Вэйжань, знаешь, почему я сказала, что ты мне нравишься? Потому что ты жестокая.

— А знаешь, почему я тебя не люблю? — Шань Вэйжань больше не отступала, она прильнула к

груди Яо Муцзинь, вдыхая аромат ее духов. На ком-то другом этот запах показался бы вульгарным, но на Яо Муцзинь он звучал чарующе. Жаль только, что эта женщина, как роза, была слишком вызывающей и колючей. Конечно, это была не единственная причина.

— Скажи, почему? — с блеском в глазах спросила Яо Муцзинь.

— Потому что... — Шань Вэйжань растянула слова, почти перейдя на шепот, и ее дыхание коснулось уха Яо Муцзинь, — потому что ты такая же жестокая, как и я.

Услышав это, Яо Муцзинь расхохоталась — Шань Вэйжань была верна себе.

— Я всегда любила сложные задачи. Вэйжань, ты правда думаешь, что сможешь от меня убежать? — смеясь, спросила она. Смех отдавался эхом в огромном кабинете. Хотя жалюзи были опущены, было неясно, не просочится ли этот вызывающий звук к сотрудникам, работающим сверхурочно. Впрочем, Яо Муцзинь это несколько не волновало. Она ждала ответа Шань Вэйжань. Чем решительнее был отказ, тем сильнее разгорался ее азарт. Как в игре кошки с мышкой — только если мышь полна решимости, кошка чувствует настоящий драйв.

Шань Вэйжань обворожительно улыбнулась, накручивая на палец пепельно-русый локон Яо Муцзинь, и тихо произнесла:

— Такая сложность, как я, не для тебя, Муцзинь. Оставь это. Я люблю себя, а тот, кто любит себя, никогда не отдаст сердце другому. Никто не хочет причинять себе боль, верно? У меня есть Лу Ли, и этого достаточно. Думаю, для Лу Ли меня тоже достаточно.

— Хорошо, жестоко! — улыбка не сходила с лица Яо Муцзинь, а пламя желания разгоралось все сильнее.

— Это не я жестокая, это твое сердце — я его не вижу, — указательный палец Шань Вэйжань скользнул по плечу Яо Муцзинь к самому сердцу и замер там, где оно билось. — Муцзинь, я даже твоего сердцебиения не чувствую.

Солнечные лучи заливали лицо Яо Муцзинь, освещая нежные черты Шань Вэйжань.

Бам!

Дверь со скрипом закрылась, и сердце Ван Сяоюй екнуло. Когда она обернулась, чтобы схватиться за ручку и притормозить дверь, в щели мелькнуло сердитое, но в то же время невинное выражение лица 503. Ван Сяоюй невольно протерла глаза, не веря, что видит эту копну красных волос. А ведь еще десять минут назад обладательница этой прически была для

нее «богом богатства».

Раскаяние захлестнуло Ван Сяюй. Она совершила полнейшую глупость, позволив отличному шансу заработать ускользнуть из рук. Глядя на экран компьютера с застывшим интерфейсом мессенджера, она взывала:

— Вот она, лучшая кара за импульсивность... — голос ее звучал так жалобно, будто ее только что снова пнули под зад.

Тук-тук-тук.

В дверь внезапно постучали.

— О? Рыжая пришла просить прощения? — Ван Сяюй вскинула брови. Забыв о гордости, она распахнула дверь, расплываясь в улыбке: — Ну что, пришла извиняться перед госпожой?

Человек на пороге промолчал, лишь откашлялся.

Услышав этот звук, Ван Сяюй округлила глаза так, что они чуть не выкатились из орбит. Она поспешно прикрыла лицо руками и тонким голосом спросила:

— Ты... ты зачем пришел?

— Сяюй... — позвал гость.

— Ты... ты зачем пришел? — Ван Сяюй затряслась, как в лихорадке, и переспросила.

— Конечно, за тобой, — ответил гость с самым невозмутимым видом.

— Ли Цзюнь, мы же расстались, — пробормотала Ван Сяюй, чувствуя, как уверенность покидает ее.

На пороге стоял ее драгоценный бывший. В коричневом костюме, с темно-синим галстуком, с зализанными волосами — настоящий светский лев. Он поправил узел галстука и низким голосом произнес:

— Слышал, ты потеряла работу, решил проведать.

— Ты же вроде как за другой бегал? — Ван Сяюй, прикрывая лицо, которое не мыла уже два дня, хмыкнула.

— Блудный сын вернулся, — Ли Цзюнь неловко рассмеялся.

Ван Сяюй вздрогнула от этого смеха. Услышав его слова, она почувствовала, как сердце забилося в бешеном ритме: «Черт возьми, решил вернуться к старой подружке?»

— Сяюй? — позвал Ли Цзюнь, видя, что она молчит.

Этот зов не вернул душу Ван Сяюй на место, зато привлек внимание другой обитательницы квартиры. Зрелый мужской баритон не вызвал творческого вдохновения, но имя «Сяюй» заставило Чжун Мяо мгновенно взбодриться.

На двери 503 был глазок, расположенный как нельзя кстати.

— Мужчина? Друг? Любовник? Секс-партнер? — бормотала Чжун Мяо, прищурившись.

Ван Сяюй тоже терзалась сомнениями. Когда Ли Цзюнь уходил, он был тверд и решителен, словно сбрасывал ненужный груз. И вот теперь вернулся — что за спектакль? Жалеет ее, бедную, или, повидав мир, понял, что только Ван Сяюй — его истинная любовь? Вероятность этого такая же, как столкновение Марса с Землей. Ван Сяюй была грубоватой, но не душой.

— Сяюй, я знаю, что ты ко мне хорошо относилась, — искренне сказал Ли Цзюнь и взял ее за пухлую руку. Хотя кожа была грубоватой, ладонь оказалась на удивление мягкой.

<http://bllate.org/book/19159/1881287>